

УДК 394+94
DOI 10.17223/2312461X/7/4

СЕВЕР VERSUS ЮГ, ИЛИ МУЗЫКА В ПОИСКАХ АНГЛИЙСКОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ)

Дина Николаевна Караваева

Аннотация. Данная статья представляет результаты проекта, целью которого является историко-антропологическое изучение дискурса английской идентичности в ее национальной, этнической и региональной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость) на материалах региона Северной Англии в пределах Великобритании. В качестве примера дискурса английской идентичности рассматривается малоизученный в литературе дискурс музыкальный (как среди музыкантов, так и среди обозревателей, исследователей, широкой общественности). Музыка является значимой частью английского культурного наследия, и такие ее жанры, как английский фолк и этническая музыка, переживают сегодня подъем популярности, участвуют в процессах формирования и трансформации идентичности. В среде фолка распространены суждения об английскости как об утраченной, игнорируемой идентичности, которую необходимо заново открыть / воссоздать / спасти. Но несмотря на желание музыкантов вписаться в мультикультурный контекст, английский фолк, как и сама концепция английскости, остается в этническом и историческом смысле монокультурной, белой, оппозиционной современной британской мультикультурности.

Северный (региональный) дискурс идентичности занимает в некоторой степени маргинальное место в национальном дискурсе английскости, и подчас сопоставление его с распространенными вариантами южной английскости затруднительно. В дискурсе английскости Севера главную роль играют специфика развития региона и его локальных сообществ, классовая идентичность и деиндустриализация, региональное брендинг, концепт разделения Севера и Юга (с мощным паттерном неравных отношений между «северной периферией» и «южной метрополией»). Региональная идентичность Севера является более искусственной и в некоторой степени политической категорией, в отличие от локальных идентичностей отдельных графств и городов.

Ключевые слова: английскость, североанглийскость, национальная / этническая / региональная идентичность, музыка, английский фолк, Северная Англия

Музыка? Музыка!

Несмотря на то что проблематика национальной / этнической / региональной идентичности является достаточно разработанной как за рубежом, так и в России, это не исключает дальнейших теоретических и эмпирических исследований в междисциплинарном ключе и тесной связи с исследо-

ваниями этничности, национализма, регионализма, мультикультурализма, исторической памяти, бренда и т.д., особенно это касается редких пока для современной науки исследований дискурса идентичности в музыке.

Данная статья представляет результаты проекта, целью которого является историко-антропологическое изучение дискурса английской идентичности в ее национальной, этнической и региональной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость) на материалах региона Северной Англии в пределах Великобритании.

Сегодня Британия как объединение Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии переживает новую сложную фазу самоопределения, что вылилось, например, в ходе референдума о независимости Шотландии 18 сентября 2014 г. В Англии также появляются инициативы по собственному «национальному» самовыражению. При этом англичане, нивелировавшие исторически свои этнические особенности в пользу британской имперскости, явно испытывают дискомфорт: региональное самосознание, более отчетливо выраженное у старшего поколения, само по себе не замещает этнонационального и не снимает проблемы сложной идентичности английского Севера.

Феномен английской (коллективной) идентичности является системой отношений, продуцирующих определенный дискурс, так и комплексом представлений, тесно связанных с понятием территориального образа, как правило, локального («малой родины»). Понимание английскости изменчиво, разнообразно и субъективно, поэтому для исследования этого феномена необходимо обращаться к дискурсу индивидуальных высказываний и коллективных мнений, а также анализу контекстов («другой», иммиграция, регионализм, глобализация и пр.). Анализ современной литературы о феномене региональной идентичности (Royle 1998; Замятин 2006; Головнева 2013) позволяет мне в предлагаемой работе использовать этот термин в значении одной из форм коллективной этнической и национальной идентичности, обращающейся к территории, локальности, пространству – реальным или мифическим.

Понятие «дискурса», как нам кажется, наиболее точно отражает суть феномена английскости, что обусловливается формой идентичности западноевропейского типа общества, обозначаемой исследователями в качестве «нарративной (повествовательной) идентичности» (Губогло 2003; Репина 2007; Филиппова 2010), феномена, существующего в дискурсе (от франц. *discours* – система речи, рассуждение, беседа, высказывание), и для изучения которой необходима контекстная экспертиза существующих представлений и презентаций идентичности. Понятие «дискурс» мы используем в самом широком смысле: дебаты, рассуждения об идентичности, а также фон и обстоятельства, контекст, в которых происходит данный дискурс. Англичане и английскость рассматриваются нами в двух дополняющих друг друга измерениях – этниче-

ской группы и нации, так как строгое определение этой бывшей «титульной нации»¹, на наш взгляд, невозможно. В первом случае – если идет речь об этнокультурной идентичности локальных групп англичан, во втором случае – при рассмотрении политической и гражданской идентичности, функции и роли английскости в рамках британскости. При исследовании английскости мы не игнорировали идентичности других этнических групп Англии («коренные» народы, выходцы из стран Азии, Африки, Карибского бассейна), так как помимо аккультурации и интеграции этих групп по отношению к английской культуре, существует и обратное влияние, имеющее подчас проблемный характер. Таким образом, при изучении идентичности мы можем и, видимо, должны учитывать не только географические, экономические и культурные реалии, но и механизмы ее формирования в отдельных областях культуры.

Рассмотрение данного дискурса выходит за рамки одной статьи или даже монографии, поэтому позволим себе подробно рассмотреть лишь некоторые его стороны (проливающие, тем не менее, свет на основные векторы и проблемы дискурса). В качестве примера дискурса английской идентичности рассмотрим дискурс музыкальный. Музыка, наряду с литературой, является для Англии знаковой частью культурного наследия. Однако если литература применительно к вопросам идентичности – относительно изученная проблематика (Gerard 1990), то анализ дискурса идентичности в музыке, в том числе в силу природы своих малодоступных для прямого анализа «текстов», требует дополнительных усилий. Еще Э. Ломакс писал, что музыка является «идеальным местом связи культуры и коммуникации», хотя многие ее рассматривают в качестве личного переживания (Lomax 1976: 14–15).

Север versus Юг

Некоторые исследователи уверены, что идентичность Севера и его взаимоотношения с Лондоном и Юго-Востоком – вопросы, не слишком актуальные для Британии сегодня (Barker 1998). Однако такие авторы, как, например, П. Тайлор, убеждены, что вопрос места и репрезентации Севера в национальном культурном наследии является актуальным и малоизученным, особенно в условиях деволуции и регионализации (Taylor 1993: 147). Ряд северных общественных активистов склонны рассматривать взаимоотношения Севера и Юга в рамках колониального дискурса, с употреблением понятий «метрополии», «колонизации Севера» (Osmond 1988: 54). По нашему мнению, Лондон и другие территории «метрополии» по праву можно считать Другим для Севера, во взаимодействии с которым рождалась его идентичность. В целом разделение Севера и Юга оказало несомненное влияние на развитие концепции английскости.

Если северяне склонны романтически оценивать «географию» Севера («гонимую, но любимую родину») (Полевые материалы автора З: Смит²), то для южан Север «означает пустоши, почти арктические температуры, бобовую кашу и культурные пустыни с ограниченными возможностями шопинга, населенные агрессивными троллями» (Макоуни 2010: 12–13).

Для тех и других идентичность Севера остается недопонятым и даже загадочным феноменом. Иллюстрируют данную ситуацию размышления Э. Криссела, профессора университета Сандерленда, лондонца по происхождению. «Я вырос на юге Англии в 1950–1960-х гг., и не бывал дальше Вилла парк Бирмингема до 18 лет (школьный автобус свозил меня в Озерный край). Я очень смутно себе представлял, что такое Север: мой ментальный образ строился на амальгаме радиопередачи Ал Рида и Джимми Клитероя, нескольких встречах с родственниками из Стокпорта (я помню их чудной экзотичный северный акцент). В 1980-е гг. я, как и сотни других молодых людей с Юга среднего класса, не имеющих корней, искал себя в ассоциации с пролетарским, не белым Севером (для этого времени это было своего рода социологическим клише). Для такого, как я (рожденного на Юге, в благополучном небольшом городке), Север репрезентировал некую самобытность, настоящую жизнь, различие, культуру рабочего класса. Безусловно, за последние 30 лет Север очень изменился. Сейчас это множество проблем и неурядиц. Живя здесь, остро чувствуешь отличие этого региона от Южной Англии. Южный акцент и культурные связи Юга так просто не выбросишь. Несмотря ни на что, я продолжаю болеть за лондонский футбольный клуб и свою крикетную команду. И в случае, если кто-то из северян нелестно отзывается о Юге, меня всегда это раздражает. В целом это, конечно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место» (ПМА 13 Криссел 2010).

Среди северных исследователей популярно обращение к истории развития североанглийскости как провинциальной идентичности. Так, Д. Рид пишет о том, что уже в конце XVIII в. по отношению к нелондонским территориям появились термины «провинция» (province) и «регионы» (country), призванные сохранить статус-кво и выстроить иерархию между метрополией и новыми индустриальными и коммерческими центрами (термины имели специфические коннотации ограниченности, вульгарности) (Read 1964: xi). Тем не менее оба эти термина были приняты местными политическими и экономическими элитами и использовались для обозначения той положительной роли, которую приобрел Север в развитии страны. Это выразилось во множестве движений, начало которым положила Йоркширская ассоциация Кристофера Вивия 1779 г. и с которой стартовал «расцвет провинциальной инициативы и независимости в экономических и политических делах»,

противостоящий Лондону как центру «несправедливой метрополии» (117). Конечно, на Севере существовали и не столь негативные оценки Лондона – столица вызывала восхищение тем, что давала множество карьерных и прочих возможностей, однако мнение, что лишь за пределами метрополии, в провинциальных городах, существует справедливая и развитая в моральном отношении среда, было частью ментальности северян XIX в. (в XX в. данная установка ослабла или трансформировалась) (Jewell 1994: 22–44).

Применительно к периоду до середины XX в. Д. Хорн и часть исследователей рассуждают о «северной и южной метафоре», т.е. комплексе представлений северян и южан о себе и стране: «По северной метафоре Британия прагматичная, ценящая опыт, расчетливая. Пуританская, буржуазная, предприимчивая, наукоориентированная, серьезная, настроенная на борьбу. Север полон греха и корыстолюбия, рациональной веры в то, что основная сущность человека – нечто заинтересованное лишь в собственной экономической выгоде. По южной метафоре Британия романтическая, нелогичная, рассеянная, удачливая, англиканская, аристократическая, традиционная, фривольная, верящая в порядок и традицию. Юг полон гордости и чести, пребывает в уверенности, что целью существования каждого человека является служение своей стране» (Horne 1969: 22–23).

Победа южной версии идентичности, означавшая канонизацию образов южной (сельской) Англии, привела к обращению к старинным, доиндустриальным образам и символам идентичности, а также принятию представления о том, что юго-восток Англии является колыбелью английскости. Данные образы стали основными в концепции новой английскости в конце XIX – начале XX в. и вытеснили другие, в частности, связанные с индустриальной революцией (Wiener 2004: 42). Таким образом, упадок Севера означал не только упадок экономический, но и рождение тотальной антимоды на Север.

Б. Робсон пишет о том, что идея экономического разделения Севера и Юга стала общепринятой в конце 1920-х гг. и постепенно перешла в другие сферы. Север как основное место размещения угледобычи, текстильной промышленности и кораблестроения пострадал больше других регионов от падения международных рынков, в то время как на Юге, где в основном располагалось электрическое производство, наблюдался экономический подъем (Constantine 1980: 18, 70; Robson 1986: 222). Наконец, основание Би-би-си с центром управления на Юго-Востоке, а также появление других базирующихся на Юге культурных индустрий создали дальнейшие условия для развития центростремительных тенденций (Crissel 1997).

Необходимость экономического и политического восстановления в послевоенное время привели к тому, что обе правящие партии в своей

политике в 1950–1960-е гг. стали уделять особое внимание регионам, называя это «ключевой частью» политики (Samuel 1998: 29, 78–96). В то же время «инаковость» Севера как территории рабочего класса создала условия для пересмотра концепций английскости как идентичности Юго-Востока и среднего класса (Balchin 1989: 68–70). Мода на Север стала очевидной между 1957 (публикация романа Дж. Брэйна «Путь наверх») и серединой 1960-х гг. (публикация антропологии рабочего класса Р. Хоггарта и Э. Томсона). К. Баркер писал о том, что работы Хоггарта о «подлинной народной культуре рабочих» имели значение для формирования ностальгического образа для представителей поколения массовой поп-культуры (Barker 2011: 36–39). Д. Жэрвэс отмечал, что «ось английскости» тогда сместилась в сторону Севера и означала ностальгию населения по потерянной северной индустриальной общине в противовес идиллической «пасторальной Англии» (Gervais 1993: 271–272).

Очевидна роль движений «Звучание Мерси» (Mersey Sound), «Мерсибит» (Mersey Beat) и The Beatles в превращении Ливерпуля и Севера вообще в одну из мировых столиц бунтарской молодежи и рока 1960-х гг. Дж. Леннон, гордившийся своим происхождением из индустриального Ливерпуля, об этой эпохе вспоминал: «Мы были первыми исполнителями, которые вышли из рабочего класса, мы ими и остались, всячески подчеркивали это, не пытались отучиться от акцента, к которому в Англии относились пренебрежительно» (The Beatles... 2002). Появление в 1955 г. регионального коммерческого телевидения означало, что у Севера существует потенциал в самовыражении на национальном уровне. На этом фоне Север расцветал – увеличивались тиражи местных газет и журналов, росли многоквартирные высотки и торговые центры. Этим образам Севера уделялось все больше внимания и интереса со стороны английской и мировой общественности (Robson 1986: 225). Для многих обращение к молодежному движению «Свингующий Лондон» 1960-х гг., провозглашавшему свободу и сексуальную революцию, как раз являлось следствием новых веяний, «северного ветра» – моды на урбанистическую культуру, «свободу» рабочего класса (в том числе от сексуальных условностей) (Sandbrook 2006).

Нефтяной кризис 1973 г. и его последствия, приход к власти консервативного правительства М. Тэтчер, претворение в жизнь политики свободного рынка привели к еще большему экономическому и культурному разобщению Севера и Юга. Становилась популярной метафора «мрачный Север» (grim up North) (Ehland 2007: 15). В период с 1979 по 1985 г. за Югом закрепились роль экономического хэдлайнера, особенно в сфере высокотехнологичного производства. Зарождающееся на Севере деволюционное движение, берущее свои корни в «лихих 1980-х», получило импульс в результате позитивных изменений в некоторых

северных городах (Ливерпуле, Манчестере, Лидсе, Ньюкасле), имеющих поддержку со стороны ЕС, США и Британского правительства (Ehland 2007: 3–4).

На фоне этого предыдущие позитивные образы Севера стали стремительно тускнеть. На этот счет красноречиво высказался Р. Самюэль: «Качества и черты, названные “новой волной” в литературе и кино, сегодня являются символами ограниченности. Богатая коллективная жизнь, выраженная, например, в создании и существовании клубов рабочих, видится институтом, не поддерживающим, а исключаящим и ограничивающим, например, местное коренное население от приезжих и чужаков... Рабочие клубы – не что иное как союз белых мужчин, призванный укрепить власть над женщинами, иммигрантами и сексуальными меньшинствами. Гордость Севера – индустриальные конструкции, дымовые трубы – это экологический кошмар. Еще одна диалектическая инверсия: культурная революция 1960-х гг. – запланированная катастрофа, разрушившая судьбы множества людей» (Samuel 1998: 66).

Прекрасный Юг

Определение жанрового своеобразия музыки, так или иначе презентующей английскость, не является задачей настоящего исследования, однако отметим, что в центре этого дискурса оказываются такие жанры, как английский фолк, традиционная музыка и танец, которые определенно идентифицируют себя в качестве «английских»³. Английский фолк сегодня переживает подъем популярности и участвует (более остальных) в процессах формирования и трансформации идентичности. Это напрямую связано с дебатами об английском фолке как о забытом или похороненном, спрятанном, нуждающемся в открытии или переоткрытии наследия английскости – на основании аутентичных источников. Вопрос, что считать «аутентичным» для английской музыки, остается открытым – эпосы древнего населения островов, песни английских моряков времен Великих географических открытий, деревенские пасторали викторианских времен, военные песни эдвардианской эпохи или же заводные рок-ритмы революционных 1960-х гг.? Тем не менее данная «легитимация» с помощью обращения к аутентичности – для большинства музыковедов и равнодушной общественности, – часто выражаемая актами персонального интеркультурного опыта, признает и принимает развитие национальных / этнических идентичностей, в частности английскости.

Фолк-фестивали в Англии в последнее десятилетие становятся все популярнее, и все большее число профессиональных фолк-фестивалей выдвигают на первый план собственных «идеологий» именно англий-

скость. По словам одного из организаторов подобного фестиваля, в Англии сейчас проще зарезервировать место для английской фолк-группы, нежели ирландской или кельтской (ПМА 17 Бирман 2011). И если английский фолк ранее являлся частью андеграундной культуры (гораздо более андеграундной, чем фолк в России), то в последнее время эта музыка выходит за пределы фолк-сцены: фолк-артисты номинируются на престижные премии (С. Лейкмен в 2006 г. и Р. Унтанк в 2009 были номинированы на музыкальную премию Меркури (Mercury Music Awards⁴); молодой английский народный музыкант Дж. Мори выступает вместе в У. Янгом в его туре 2003 г. по Великобритании, а в 2008 г. Би-би-си транслирует по своим каналам фолк-музыку (например, в рамках специальной программы «День фолка»), в которых английский фолк более чем заметен). Медиалицо фолка также изменилось – в вещании на музыкальных и культурных каналах появилось большее количество фолк-презентаций, например в рамках BBC2's The Culture Show или в популярных концертных программах «Поздно вечером с Джулсом Холландом» (Later with Jools Holland), «Шоу Пола О'Греди» (The Paul O'Grady Show). Если в 1997 г. журнал Folk Roots мог охарактеризовать английскую традиционную культуру в качестве «неоткрытой» или «непризнанной», то в последние годы все изменилось: мы можем увидеть представителей английского фолка в списках участников таких крупнейших фестивалей, как «ВУМЭД» (WOMAD), да и все большее количество коллективов стремится к такому самообозначению (например, группы Bellowhead, Glowworms, Tiger Moths, The Young Coppers).

Дискурс английского фолка как этномузыки возник и развивался преимущественно с начала 2000-х гг. Начало публичному дискурсу положила статья К. Ирвина под названием «Англия: последний неоткрытый экзотический форпост этнической музыки» в журнале «Корни фолка» (Folk Roots), писавшего, что «журнал рассказывает об экзотической музыке со всех концов света, но игнорирует экзотическое в своей собственной культуре – Англии» (Irwin 1997: 36). Размышляя об эксцентричном и причудливом в английской культуре, Ирвин пишет о Бэкапских танцорах Коконат Британия (Bacup Britannia Coconut Dancers), особой танцевальной традиции, берущей начало от марокканской иммиграции в XVII в., со временем адаптированной йоркширским населением рабочих промышленных районов, в частности мельницы Танстеда (Tunstead Mill Nutters) в конце XIX в., а затем мельницы Британия (Britannia Mill) в 1920 г. Сегодня они существуют в Ланкашире, в частности в г. Бэкап Йоркшира. Лица танцоров закрашиваются в черный цвет, костюмы содержат цветочные элементы, кокосы, белые изогнутые юбки. Сам танец символизирует различные религиозные и языческие ритуалы, хотя сегодня воспринимается лишь в качестве карнавального шоу по выходным или накануне Пасхи. Статья

была проиллюстрирована также фотографиями Роговых танцоров Абботс Бромли (Abbots Bromley Horn Dancers), «пожалуй, одной из наиболее причудливых вещей у нации, обладающей множеством экзотики» (Melody Maker 1963: 37). Праздник ведет свои истории со Средних веков, и участники действия одеты в стилизованные под Средневековые одежды, у основных танцоров на голове имеются оленьи рога. Основное выступление проходит в сентябре (параллельно выступают танцоры Морриса) в деревне Абботс Бромли, оно вписано в религиозный календарь, а также соотносится с праздником урожая (см. подробнее: Buckland 1990; Irwin 1997: 37–38; Forrest 1999; Forrest 1999; Hutton 2001).

«Этническая музыка» (world / ethnic music) традиционно в английской музыкаграфии относится к «музыке народов мира», африканской и азиатской этномузыке, адаптированной под европейские стандарты. К этномузыке относится и современная «западная» музыка с элементами этномузыки вышеназванных регионов. В отличие от английского фолка, английская этномузыка позиционирует себя более коммерчески-ориентированной и вписанной в мейнстрим (Taylor 1997; Frith 2000). Группа The Imagined Village, как раз ассоциирующаяся с подъемом английского фолка и этномузыки, является детищем С. Эмерсона и Б. Брэга (Keegan-Phipps, Winter T. 2013: 5). В 2009 г. группа ставила своей целью «адаптировать старые вековые традиции к XXI в.; сочетать древнее и современное, скрипку, биты и ситар». Центральной фигурой живых выступлений The Imagined Village является музыкант и автор песен, левый активист Б. Брэг, который, во многом благодаря своим взглядам, сумел преодолеть пропасть между английским фолком и поп-музыкой. С момента своего создания группа пользовалась большим успехом в Англии, регулярно выступала на фестивалях и концертах по стране и в 2008 г. была даже награждена Би-би-си радио 2 за «лучшую традиционную песню» (Frith 2000).

Музыканты поставили перед собой задачу стимулирования обсуждений природы английской идентичности, и многие их выступления начинаются с ток-шоу на эту тему. Их вебсайт содержит соответствующий форум (официальный сайт группы The Imagined Village). Группа не претендует на создание единой и монолитной концепции английскости, и ее участники признают, что английскость является неким подвижным и изменчивым во времени и пространстве феноменом, имеющим также политический характер. У группы нет общего манифеста, но многое выражено в работе Б. Брэга об английской идентичности (Bragg 2007). Позиция музыкантов ассоциируется с подъемом «левого радикального патриотизма», призванного изменить ситуацию, когда от имени английской идентичности диалог ведут в основном крайние пра-

Среди представителей английского фолка распространены суждения об английскости как об утраченной или забытой, игнорируемой идентичности, которую необходимо заново открыть / воссоздать / спасти. В частности, эта идея транслировалась в моей беседе об английских традиционных музыке и танце в 2012 г. с Б. Брэгом: «Мы слушаем песнопения Африки, мы слушаем кельтских бардов, но золото, которое мы ищем, находится на нашем собственном заднем дворе. Англичане могут слушать музыку со всех уголков света, но не свою собственную. Налицо явное преобладание ирландской и шотландской народной музыки в Британии новейшего времени, до недавнего возрождения английского фолка, в частности усилиями нашей группы. Я сам начал заниматься английской традиционной музыкой, потому что мне было важно чувствовать себя на месте, чувствовать себя английским музыкантом, чтобы все, что я делаю, лилось по-настоящему из души. Чтобы познать, откуда ты сам, твои корни, не нужно слушать мистические суфийские или карибские африканские мотивы – нужно просто увидеть то, что лежит под ногами» (ПМА 38 2012). Желание сохранить или вернуть символические элементы доиндустриальной, природной, сельской общины, как пишет Дж. Бойс, является основным импульсом для творчества фолк-музыкантов (Boyes 1994: 4–5).

Нередко такой дискурс идентичности активизируется в условиях мультиэтничной среды Англии и рассматривается в качестве одной из идентичностей мультикультурной страны. Так, молодой фолк-музыкант Д. Шил в 2011 г. описывал мне свое чувство английской идентичности следующим образом: «Я вырос в Ньюкасле в азиатском районе, и там проживала большая британско-азиатская община. Когда я играл и пел фолк, я чувствовал себя вроде как частью общества» (ПМА 21 Шил 2011). На данный момент толкование английскости как одной из идентичностей мультикультурной Англии наиболее популярно в музыкальной среде (и наиболее часто оспариваемо также). И хотя данный подход подразумевает эссенциалистское понимание идентичности англичан как идентичности белого коренного населения (в отличие, например, от идентичности азиатского населения), конструкции английскости всегда рождаются из ощущения, что идентичность других этнических групп (особенно азиатских) более выраженная, сильная и организованная, и их инициативы в этой области получают больше поддержки и одобрения со стороны правительства и общественности, хотя должно быть наоборот в отношении традиционной английской культуры. Со стороны Британской национальной партии (British National Party), например, не раз совершались попытки вписать фолк-исполнителей в собственное движение. Это привело к организации в 2009 г. движения музыкантов «Фолк против фашизма» (как говорил К. Вуд, «мы не поддерживаем национализм, а выражаем свою культурную идентичность»), получившего большую

поддержку среди музыкальной общественности Англии (Интервью с... Т. Винтер; Keegan-Phipps et al.).

Группа The Imagined Village представляет в своих выступлениях (костюмы, состав участников, музыка) несколько другое видение английской культуры; для них английскость – гибридная и мультикультурная идентичность, что контрастирует со взглядами преимущественно белого мира английского фолка. Б. Брэг на пресс-конференции фестиваля WOMAD в 2007 г. заявлял, что «англосаксы всегда уверены в единственности и неповторимости своего расового типа, тогда как сама англо-саксонская культура вобрала в себя множество совершенно других культурных элементов» (ПМА 38 Брэг 2012).

Желание сохранить или вернуть символические элементы доиндустриальной, природной, сельской общины, как пишет Дж. Бойс, является основным импульсом для подобных фестивалей (Boyes 1994: 4–5). Так, на обложке одного из альбомов The Imagined Village изображены старый викторианский мир, доиндустриальная местность, фаянсовая посуда и в качестве контраста – многоэтажный многоквартирный дом (настоящий символ упадка в Англии), сгоревшая машина и упавший самолет. У группы достаточно других альбомов, где авторы явно пытаются «инвестировать» в ностальгическую английскость: воссоздать старый добрый сельский английский (преимущественно белый) мир на основе смешения старого наследия («высокостатусных» аутентичных музыкотекстов) и новых мотивов (как в плане музыкальных инструментов, так и в плане концепций).

Большинство представителей английского фолка не рассматривают себя акторами английского национализма. Но несмотря на желание музыкантов вписать английский фолк в формат этнической музыки и мультикультурный контекст, по своей сути английский фолк остается площадкой для белой, монокультурной, «классической», ностальгической английскости, оппозиционной ее космополитическим и мультикультуралистским концепциям. Данная позиция может быть охарактеризована вслед за А. Огеем как «радикальный патриотизм» (Aughey 2007: 9–10): заметнее всего это проявляется в работе Б. Брэга и его попытках мобилизовать английскую музыку для подъема и развития концепции английскости (пусть и в нетипичных терминах маргинального даже в рамках английского национализма левого радикализма).

Черная Англия

Регион Северная Англия относится к категории бывших промышленных монорегионов⁵. Во времена империи и в первые десятилетия после ее падения здесь сосредоточивалась промышленность страны. Во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. большая часть производства

была приватизирована, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии пришла в упадок. Отдельные попытки лейбористского правительства создать условия для регенерации регионов существенно не исправили ситуацию, и сегодня Север находится, если угодно, в ситуации социокультурной трансформации. Общие тенденции развития британского общества 1940–1980-х гг. (мультикультурализм, феминизм, молодежная «революция») также сформировали специфический облик региональной северной культуры (Christopher 1999: 1–2. См. также: Hall 1988; Rowbotham 1997).

В период с середины XX в. и до настоящего времени выразителями северной идентичности являлись в основном авторы региональной литературы, музыки, кино и телевизионных сериалов. Как пишут Л. Кастел и Дж. Уолтон, региональные идентичности являются дискурсивными производными коллективных изобретений и традиций (в том числе обновленных), образа жизни населения региона (Castells, Walton 1998: 76–77). Действительно, большинство северян узнают свой регион не через собственный опыт (поскольку путешествуют в рамках Северного региона редко), а посредством готовых сконструированных версий, с которыми они встречаются в поле культуры.

Музыка (рок, фолк, этническая, духовая) представляется богатым источником по изучению североанглийской идентичности и регионального брендинга: это касается самого музыкального языка, текстов песен, способов их донесения до публики, манеры самовыражения исполнителей, а также дискурса, возникающего вокруг этого всего. Мы будем концентрироваться на трех последних составляющих дискурса, в силу того, что музыкальная лингвистика лежит за пределами компетенции автора.

Музыка, несомненно, принесла региону внешнее признание (особенно во второй половине XX в.) и является для региона ценным культурным и символическим капиталом. Как пишут исследователи, музыканты, так же как и футбольные болельщики, напрямую участвуют в процессах регионального брендинга, формирования гражданской гордости и патриотизма по отношению к локальным территориям и сообществам, «объединяя неким идеализированным образом множество раздробленных сообществ» (Hill 1996: 92–93). И именно любительским музыкальным коллективам малых городов и деревень принадлежит ключевая роль в данных процессах.

Региональные тенденции развития дискурса идентичности в музыке в некоторой степени соотносятся с национальными. Более того, основной состав группы The Imagined Village, анализу творчества которой посвящена большая часть вышеобозначенного раздела, являются выходцами из северных графств (К. Вуд, С. Эммерсон и др.) (Buckland 1990: 11–12). Тем не менее северный дискурс имеет ряд исторических и культурных особенностей. А именно: Север и его история, культура,

северная идентичность не являются основной темой их песен и презентаций, скорее, речь может вестись о локальных идентичностях или социальных (идентичность рабочего класса), реже – географических городских (апология урбанистических и индустриальных пространств). И если музыка других регионов, особенно Юга, чаще обращается к «деревенским» образам английскости, то северная в классическом понимании – это сплин, гротеск, протест, энергия города и индустрии, или, реже, свобода и одиночество природных пространств.

Среди северян популярен миф об их особой «музыкальности» и определенной манере исполнительства, и это, несомненно, составляет весомую часть дискурса идентичности: «Север – это духовая музыка, маршевая музыка, ударные биты, повторяющиеся ритмы рабочего станка... Это гитара, банджо, дудки. Такое понятие, как “северный звук”, определенно существует» (ПМА 28 Додс 2012). Часть авторов уверена, что северная музыка тесно связана именно с индустриальным пространством: благодаря звукам и формам фабрик и заводов, монотонному северному образу жизни, его террасным домам и правильно очерченным улицам, музыка Севера имеют специфический облик (Haslam 2000).

Как писала биограф певицы К. Ферьер еще в 1950-е гг., на всем Севере «тысячи самых обычных людей имеют особый интерес к музыке (создание, прослушивание, обсуждение, критика) – больший, чем у южан» (Lethbridge 1959: 3–4). Уже сегодня Д. Рассел пишет: «Север более музыкальный, чем Юг, и северянин хотя и более груб, чем южанин, но пальцы его более тонки, чувствительны и внимательны к музыке» (Russell 2004: 224). Несмотря на то что, по его мнению, на национальном уровне по-прежнему существует тенденция отсутствия должного внимания к региональному музыкальному движению (или «музыке рабочего класса»), для самого Севера, его идентичности и имиджа, местные музыкальные коллективы имеют важное значение (208). Данные положения подтверждают и результаты наших полевых исследований. Музыка, особенно локальная любительская, сегодня, безусловно, является основным рупором локальной идентичности (концертные площадки пабов и клубов как основные места этнокультурной коммуникации) – наряду с футбольными трибунами. Правда, если в случае с футболом, как правило, речь идет о более агрессивной, воинственной и соревновательной коммуникации, то музыка является более интеллектуальным способом культурного самовыражения.

Как и в других областях культуры, для истории музыкального движения на Севере ключевое значение имеет культурное доминирование Лондона, особенно до середины XX в. Наиболее активные музыкальные движения исторически сосредоточиваются в крупных, чаще коммерческих, а не индустриальных, городах, где концентрация населения и жизненной активности максимально высока (а также высоко количе-

ство представителей среднего класса, имевших возможность заниматься музыкой) (Russell 2000b: 235). Речь идет о Манчестере и Ливерпуле, где сосредоточивалось максимальное количество населения, индустрии образования (знаменитые Оркестр Халле и Королевский колледж Манчестера) и развлечений (Kennedy 1960: 239–242). Манчестер не мог составить должную конкуренцию Лондону, но его богатая музыкальная жизнь сыграла большую роль в развитии северной идентичности и самопрезентации Севера (Galloway 1910: 95–144).

С 1960 г. данный дисбаланс перестает быть таковым в силу роста значения северной поп- и рок-музыки, качественного и количественного роста независимых звукозаписывающих студий, регионального музыкального образования, увеличения количества любительских коллективов и т.д. (Hesmondhalgh 1997). Особое значение сыграли получившие сегодня уже мифический статус поп-музыкальные площадки – паб-мьюзик-холл *Cavern* в Ливерпуле, в Манчестере – *Hacienda* (1982–1997) (Thompson 1994). Хотя, безусловно, Лондон остается одним из самых значимых музыкальных центров не только Британии, но и мира, и неизбежно будет существовать региональная диспропорция (Laing, Yorka 2000: 4–7). История музыкальной регионализации Севера занимает весомую часть дискурса идентичности, суть дискуссии в рамках которого сводится к утверждению большой роли Севера в развитии мирового музыкального движения.

Исследователи выделяют несколько периодов расцвета музыкального движения на Севере. Первый приходится на 1930-е гг. и связан с успехом таких «певцов» Ланкашира, как Грейси Филдс и Джордж Формби. Следующий подъем в 1950–1960-е гг. связывается, как правило, с появлением движения «Звучание Мерси» и «Мерси-бит», включая *The Beatles*. Основным историографическим мифом является утверждение, что успех Севера 1963–1965 гг. стал вызовом культурному доминированию Лондона и способствовал установлению репутации Севера как основной британской площадки поп-музыки (Haslam 2000: 92). Другие указывали на то, что хотя это и изменило баланс в пользу Севера, музыканты черпали вдохновение из американских музыкальных направлений ритм-энд-блюза и соула, и сама роковая традиция была тесно связана с британскими традициями кабаре и мьюзик-холлов (Russell 2004: 213; Fowler 2008: 134). Авторы указывают и на то, что северные музыканты первоначально пришли к британскому и мировому успеху (так называемое британское вторжение) посредством выступления в клубах и кабаре США, Севера и Юга Англии (Harry 2004; Perone 2009; Cateforis 2011).

Ряд исследователей склонны еще более умеренно оценивать силу сдвига в региональном распределении доминирования, указывая на постоянство периферийности северной культуры и на ведущую роль «объективных» социально-экономических факторов. В качестве аргу-

мента ведутся рассуждения о движении «свингующий Лондон» середины 1960-х гг., в результате чего Лондон опять стал центром притяжения для большинства провинциальных музыкантов, а также основной площадкой для таких групп, как Rolling Stones, The Who, Small Faces, Kinks. По мнению этих исследований, Север по-настоящему укрепил свои позиции только в конце 1970-х гг., и связано это было с индустриальным и экономическим развитием региона, ростом звукозаписывающих компаний (Collin 1998: 166–167; Russell 2004: 63).

В 1980–1990-е гг. Ливерпуль и Манчестер (в некоторой степени Лидс, Шеффилд и Халл) окончательно укрепили свои позиции в этой области⁶. Северные города становятся центрами молодежной культуры, и из-за этого возросла популярность северных вузов. Некоторые города остаются символами молодежной культуры до сих пор: Манчестер воспринимается городом андеграундной и хипстерской интеллектуальной молодежи, Лидс – молодежи, практически и профессионально ориентированной, Ньюкасл – образованной, профессиональной и умеющей развлекаться и пр. (ПМА 17-25 2011; ПМА 26–27 2011; ПМА 28–41 2012). См. также: Champion 1990: 11).

Таким образом, индустриальное наследие из обузы превращается в инструмент регионального возрождения и обновления. Для музыкального поколения 1980–1990-х гг. характерно «черное» описание Севера как территории сплина и депрессии, «диснейленд наркотиков» (Collin 1998: 168). А в 2000-е гг. появляется больше фолка, индиго, представители которого (например, Elbow) стремятся показать «преимущества и силу современного Севера» (Haslam 2000: xxix; Melody Maker 2001).

Некоторые представители музыки рожают у своих соотечественников чувство гордости. Это касается поп-групп 1960-х гг. (несмотря даже на то, что The Beatles, например, критиковали за «дезертирство» в Лондон и Нью-Йорк) (Cohen 1991: 11), когда Ливерпуль был близок к гегемонии в западной поп-музыке, или, например, представителей движения «Маниачестер» (Madchester) 1989–1990 гг. В это время там были в широком ходу футболки с надписью «И на шестой день Бог создал Манчестер» (стена с этой надписью до сих пор собирает манчестерскую артхаусную молодежь) (рис. 1), популярен слоган «Рожден на Севере, живи на Севере, умри на Севере» (Collin 1998: 159).

В музыке, в отличие от литературы, диалекты долгое время не использовались. Зачинателем этой традиции стало движение «Звучание Мерси» в 1960-е гг. Правда, в текстах его участников местные диалекты проскальзывали изредка: у The Beatles, а также у группы Gerry and Peacemakers с их знаменитой композицией Ferry Across the Mersey 1964 г. Как писал Ч. Джилет, «было трудно отличить [ливерпульские группы] от остальных в стране» (Gillet 1984: 267; Stoke 1994: 117–134). И только с 1980-х гг. использование региональных диалектов стало рас-

пространенной нормой (в текстах The Smiths и таких ее композиций, как Rusholme Ruffians, Strangeways here we come) (Rogan 1993: 218–219, 308).

Рис. 1. «...И на шестой день Бог создал Манчестер». Место, связанное с историей движения Madchester и андеграундом. Большой Манчестер, 2012 г. Фото автора

Что касается этнической и фолк-музыки, традиционно «отвечающей» за вопросы этнического и культурного самовыражения, то она также получила на Севере распространение, хоть и меньшее, чем поп-культура (Sweers 2005; Finnegan 2007). И во главе фолк-движения исторически стоял пограничный с Шотландией деревенский и фермерский Нортумберленд. В регионе и сегодня существует большое количество танцевальных коллективов и музыкальных групп, играющих на нортумбурской малой волынке (эта традиция, по мнению экспертов, по продолжительности существования на Британских островах уступает только ирландской волынке) (Irwin 1999: 67–70).

Расцвет фолк-движения начинается в 1960–1970-е гг., в 1980-е гг. его популярность набирает обороты: вместе с такими исполнителями, как К. Тикел (скрипка, волынка), и в основном за счет переписок старых популярных песен. Так, например, перезаписанная в 1990 г. композиция 1971 г. «Лягушка из реки Тин» с участием вокала бывшего футболиста П. Гесконь стала своего рода гимном Северо-Востока (Connel 2002: 56). Наибольшее развитие данные жанры музыки получили в 1990–2000 гг. Репертуар большинства исполнителей состоял уже из произведений, так или иначе отсылающих к региональному материалу, и такие представители северного фолка, как ливерпульская группа Spinners, ланкаширцы Oldham Tinkers, Fivepenny Piece, М. Хардинг получают широкое освещение в региональных и национальных медиа (Stuckey 1983).

Одной из ключевых характеристик музыки Севера является большое распространение культуры любительского исполнения – «локальной музыки» (рис. 2), что способствовало развитию репутации Севера как «хребта нашей национальной музыкальной жизни» (центром профессионального производства оставался, конечно, Лондон) (Lowerson 1999: 198–199). Основные площадки – пабы и фестивали (рис. 3).

Рис. 2. Любительские выступления
фолк-группы из Дарема, 2010 г. Фото автора

Рис. 3. Музыкальная молодежь Манчестера. 2012 г. Фото автора

Один из пабов Сандерленда Smugglers (рис. 4–6) традиционно принимает фолк-музыкантов, со сцены выражающих свои культурные, а подчас и политические позиции. Среди песен нередко можно встретить ностальгические размышления об индустриальном Севере или разочарования по поводу настоящего положения. Например, весь альбом «На вершине мира» 2009 г. Билла Стюарта посвящен Северу и его судьбам. Песня «Человек в полосатом костюме» повествует о тяжелой доле людей из рабочего класса («дай им денег, и они сделают за тебя всю работу, они все равно живут в мусоре и едят грязь»); композиция «10 000 человек» – об упадке кораблестроения и доков, где работал когда-то сам автор, и о позорной жизни северянина («прекратите нам врать, люди разделены и производство мертво, они забрали нашу работу, они забрали нашу душу, взамен оставив нужду и пособие по безработице») и пр. Альбом рассказывает и о северных достопримечательностях, о «спрятанных тайных сокровищах Англии» – замках, природных заповедниках, старых домах (Stewart 2009). Часть альбома Пэта Доддса «Мельницы Кора» 2011 г. из Саут-Шилдса также посвящена этим вопросам – композиции «Убивающие поля», «Последний предатель» и пр. (Dodds 2011). Оба автора являются частью одного музыкального поколения, бывшего непосредственным свидетелем процессов деиндустриализации 1970–1990 гг.

Рис. 4. Паб Smugglers – площадка любительских музыкальных коллективов (фолк, рок) Северо-Востока, г. Сандерленд, 2011 г.

Рис. 5. Выступление группы Pete Dodds. Паб Smugglers, г. Сандерленд, 2012 г.
Фото автора

Рис. 6. Завсегдатай и постоянный участник музыкальных марафонов паба Smugglers. Фото автора

Духовые оркестры и хоры традиционно считаются символическими формами культурной деятельности для Севера. Однако Д. Кристофер, например, считает, что они являются национальными феноменами, а на Севере картина более сложная в этом отношении (Christopher 1999: 131–155). Особое значение, особенно до 1990-х гг., имели музыкальные соревнования хоров и оркестров, в которых северяне нередко одерживали верх, что составляло особый предмет их гордости (Brass Band News 1985). Особое распространение духовые оркестры получили на территории текстильных и угольных центров Ланкашира и Йоркшира (еще к 1960-м гг. музыканты этих регионов составляли 40% участников нацио-

нальных соревнований и фестивалей) (Russell 2000a: 25). Участники оркестров нередко становились локальными героями, выступали от имени сообществ на футбольных трибунах и пр. С упадком производства на Севере количество действующих оркестров значительно сократилось, однако они по-прежнему выполняют свои символические функции (26).

Хоровая культура – за исключением крупных хоров – распространена на Севере и всегда была характерна для небольших поселений в 15–30 тыс. чел. Хоры часто были любительскими инициативными сообществами – образовывались при церкви, или чаще сегодня при школах, университетах, социальных клубах. Совместная продолжительная работа и интенсивная коммуникация приводили к тому, что хоры превращались в орудие конкуренции поселений. Определенную роль в данной конкуренции сыграли и факты приверженности англичан к неконформизму и методизму (хоры были «воинами» того или иного религиозного направления) (Sweers 2005: 10–47).

Между тем локальный патриотизм может быть агрессивным. Наибольшего противостояния достигли музыканты Манчестера и Ливерпуля. В 1992 г., например, вышла книга о манчестерской поп-музыке с названием «Это случилось в Манчестере» и с обложкой, на которой изображена надпись «Манчестер» поверх зачеркнутой «Ливерпуль» (Lawson 1992). В то же время локальный патриотизм может быть основой и для более широкой региональной идентичности (по отношению к графству), в частности, об этом свидетельствует тенденция объединения хоров, например, в рамках Йоркшира и стремление на национальных соревнованиях отдельных локальных коллективов характеризовать себя как в первую очередь йоркширцев (ПМА 22 2011).

Победа на национальных соревнованиях в Лондоне являлась и является своего рода культурной миссией северян. Особенно это касается духовых оркестров и Национального чемпионата духовых оркестров в Кристал Палас. Нередко можно было услышать жалобы со стороны северян, что их победы недостаточно освещаются СМИ, Би-би-си в частности (Brighouse Echo 1946. Цит. по: Lawson 1992: 64). В 1950–1960-е гг. во время противостояния Ливерпуля и Лондона журнал Melody Maker призывал своих читателей «присоединиться к Большой бит-войне Севера и Юга» (Melody Maker. 1963. Цит. по: Lawson 1992: 64). В 1987 г. после третьей победы консерваторов на выборах группа из Халла Housemartins выпустила альбом под названием «Лондон 0 – Халл 4» (с намеком на «футбольное» поражение, но с надеждой на реванш, как пишет биограф группы) (Pattenden 1999). В 1994–1995 гг. актуальна была конкуренция лондонских Blur и манчестерских Oasis в рамках «брит-попа» (Haslam 2000: xxvii).

Джаз, исполняемый духовыми оркестрами, по словам Р. Самюэля, «поэтизирующий кирпичные улочки» Севера, также вписывается в

данные тенденции (Samuel 1998: 65). Например, вариации на тему 9-й симфонии А. Дворжака «Из Нового Света» стали своего рода северным гимном-реквиемом, символом упадка индустриализма, идентичности региона благодаря тому, что эта музыка использовалась в проектах студии Novis, в творчестве популярного коллектива «Группа шахты Гримторпа» в 1970-е гг. (Bradford Telegraph and Argus 1974; Howarth 1988; Herbert 2000), перепевалась фолк-исполнителем Т. Капстиком в 1981 г., использовалась в качестве саундтрека к фильму «Дело-труба» в 1996 г., а также исполнялась во время городских праздников в бывших угольных районах (Russell 2000a: 31–32, 38).

Страсть северян к музыке далеко не всегда позитивно оценивается представителями других регионов. Например, профессор Университета Лондон Метрополитен Э. Криссел, приглашенный лектор Университета Сандерленда, так говорил: «На улицах, в домах отсутствует культура, и в умах тоже не все в порядке. Местные люди, находясь в пабе, вдруг ни с того ни с сего могут подойти к микрофону, или прямо из-за своих столов, и начать петь что-нибудь залихватское. Причем на всю округу и далеко за полночь» (ПМА 13 Криссел 2010).

* * *

Итак, музыка сегодня остается одним из главных культурных «аргументов», служащих постоянству идеи «разделения Севера и Юга». Однако несмотря на высокий уровень развития любительской музыки и наличие таких институтов, как Halle в Манчестере, Лондон по отношению к профессиональной музыкальной деятельности и культурной идентичности воспринимается северной общественностью тормозным фактором.

Музыка для Севера является как фактором формирования идентичности (нередко жители того или иного поселка идентифицировали себя сначала с определенной музыкальной группой, а затем уже собственно с поселком) и инструментом мобилизации населения, так и способом выражения ностальгии по уходящим старым временам (old North как old England), создания ретрообразов Севера. Музыканты (фолк, поп, рок, джаз) изображают Север аутентичной территорией скромных, непритязательных тружеников, мощной индустрии, суровой природы и суровых характеров. В 2000-е гг. налицо зарождение позитивной идентичности Севера, хотя северяне уверены, что музыкальный капитал (культурный капитал вообще) Севера близок к истощению.

Таким образом, музыка является значимой частью английского культурного наследия, и такие ее жанры, как английский фолк и этническая музыка, переживают сегодня подъем популярности, участвуют в процессах формирования и трансформации идентичности. В среде фол-

ка распространены суждения об английскости как об утраченной, игнорируемой идентичности, которую необходимо заново открыть / воссоздать / спасти. Но несмотря на желание музыкантов вписаться в мультикультурный контекст, английский фолк, как и сама концепция английскости, остается в этническом и историческом смысле монокультурной, белой, оппозиционной современной британской мультикультурности. Северный (региональный) дискурс идентичности занимает в некоторой степени маргинальное место в национальном дискурсе английскости, и подчас сопоставление его с распространенными вариантами южной английскости затруднительно. В дискурсе английскости Севера главную роль играют специфика развития региона и его локальных сообществ, классовая идентичность и деиндустриализация, региональное брендинг, концепт разделения Севера и Юга (с мощным паттерном неравных отношений между «северной периферией» и «южной метрополией»). Он содержит в себе попытки показать, что Север, его материальные и человеческие ресурсы, природные и индустриальные ландшафты оказали большое, в том числе позитивное, влияние на Англию. Заметно конструирование Севера как места, противостоящего своей культурой «коррупционному, разлагающемуся Югу». Кроме того, региональная идентичность Севера является более искусственной и в некоторой степени политической категорией, в отличие от локальных идентичностей отдельных графств и городов.

Примечания

¹ Мы используем данный термин М. Барреса с некоторыми оговорками: доминирование англичан – явление во многом историческое, и не учитывает «шотландского фактора». Тем не менее термин представляется удобным в качестве обозначения современного положения англичан в культурном и политическом смысле (Sternhell 1985).

² В статье сохранена нумерация полевых материалов автора, под которой они зарегистрированы в архиве Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

³ Вплоть до последнего десятилетия этнической музыкой английскую исходя из мировых музыкальных классификаций трудно было назвать, поэтому данное определение является наиболее компромиссным (Keegan-Phipps, Winter 2013).

⁴ Ежегодная музыкальная премия, присуждаемая за лучшие музыкальные работы Великобритании и Ирландии. Была учреждена в 1992 г. Британской фотографической индустрией и Британской ассоциацией звукозаписывающих компаний. Данная премия была создана в качестве альтернативы Британской премии (Brit Awards). Критериями отбора являются: художественная ценность, оригинальность и новаторство (Официальный сайт музыкальной премии Mercury Prize...).

⁵ Понятие «Северная Англия» как единая «культурная область» условно, так как включает в себя три различных в отношении идентичности региона: Северо-Восток (Ньюкасл, Дарем, Сандерленд), Северо-Запад (Манчестер, Ливерпуль) и Йоркшир и Хамбер (Йорк, Лидс).

⁶ Ведущие коллективы: The Buzzcocks, Joy Division, The Fall, The Smiths, The Stone Roses, The Happy Mondays, Oasis, MPeople, Simply Red из Манчестера; Teardrop Explodes, Frankie Goes to Hollywood, Elvis Costello, Echo and the Bunnymen из Ливерпуля; Embrace

из Хаддерсфилда, The Housemartins, The Beautiful South из Халла; Pulp из Шеффилда, Animals из Ньюкасла и пр. (См.: Miles 2009).

Литература

- Aughey A. The Politics of Englishness. Manchester and New York: Manchester University Press, 2007.
- Balchin P. Regional Policy in Britain. The North-South Divide. L.: Sage Publications Inc., 1989.
- Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. L.: Sage Publications Ltd., 2011.
- Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't? // New Statesman. 1998. 9 January.
- Boyes G. The Imagined Village: Culture, Ideology and the English Folk Revival. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Bradford Telegraph and Argus. 1974. 5 August.
- Bragg B. The Progressive Patriot: a Search for Belonging. L.: Black Swan, 2007.
- Brass Band News. 1985. July.
- Brighouse Echo. 1946, 25 October.
- Buckland T. Black Faces, Garlands, and Coconuts: Exotic Dances on Street and Stage // Dance Research Journal (Congress on Research on Dance). 1990. № 22 (2). P. 1–12.
- Castells L., Walton J.K. Contrasting Identities: North-West England and the Basque Country. In: Royle E. (ed.) Issues of Regional Identity. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 44–81.
- Cateforis T. Are We not New Wave? Modern Pop at the Turn of the 1980s. Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan Press, 2011.
- Champion S. And God Created Manchester. Manchester: Wordsmith, 1990.
- Christopher D. British Culture. An Introduction. L., N. Y.: Routledge, 1999.
- Cohen S. Rock Culture in Liverpool. Popular Music in the Making. Oxford: Clarendon Press; N. Y.: Oxford University Press, 1991.
- Collin M. Altered States. The Story of Ecstasy Culture and Acid House. L.: Serpent's Tail, 1998.
- Connel J., Gibson C. Sound Tracks: Popular Music, Identity, and Place. L.: Routledge, 2002.
- Constantine S. Unemployment in Britain between the Wars. Harlow: Longman, 1980.
- Crissel A. An Introductory History of British Broadcasting. L.: Routledge, 1997.
- Dodds P. Cora Mills. Newcastle: Cluny Studio, 2011 (CD).
- Ehland Ch. Introduction. In: Ehland Ch. (ed.) Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England. Amsterdam, N. Y.: Editions Rodopi B.V., 2007. P. 1–15.
- Finnegan R. The Hidden Musicians: Music-Making in an English Town. Middletown: Wesleyan University Press, 2007.
- Forrest J. The History of Morris Dancing, 1458–1750. Toronto: University of Toronto Press, 1999.
- Fowler D. Youth Culture in Modern Britain, 1920–1970: From Ivory Tower to Global Movement – A New History. Basingstoke [England]; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Frith S. The Discourse of World Music. In: Born G., Hesmondhalgh D. (eds.) Western Music and its Others. L.: University of California Press, 2000. P. 305–322.
- Galloway W.J. Musical England. L.: Christophers, 1910.
- Gerard A. Literature, Language, Nation and Commonwealth. In: Davis J., Maes-Jelinek H. (eds.) Crisis and Creativity in the New Literatures in English Amsterdam: Atlanta, 1990. P. 94–115.
- Gervais D. Literary England: Versions of “Englishness” in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gillet C. The Sound of the City. N. Y.: Pantheon, 1984.
- Hall S. The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left. L.: Verso, 1988.
- Harry B. The British Invasion: How The Beatles and Other UK Band Conquered America. N. Y.: Chrome Dreams, 2004.

- Haslam D.* Manchester, England. The Story of the Pop Cult City. L.: Fourth Estate, 2000.
- Herbert T.* (ed.) The British Brass Band. A Musical and Cultural History. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hesmondhalgh D.* Post Punk's Attempt to Democratize the Music Industry: the Success and Failure of Rough Trade // *Popular Music*. 1997. № 16 (3). P. 255–274.
- Hill J.* Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England. In: Hill J., Williams J. (eds.) Sport and Identity in the North of England. Keele: Keele University Press, 1996. P. 87–93.
- Horne D.* God is an Englishman. Sydney: Angus and Robertson, 1969.
- Howarth P.* What a Performance. The Brass Band Plays. L.: Robson, 1988.
- Hutton R.* The Stations of the Sun: a History of the Ritual Year in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Irwin C.* Rough Guide to World Music. L.: Rough Guides, 1999.
- Irwin C.* This is England: Colin Irwin Celebrates a Culture Every Bit as Exotic as the Most Distant of World Music Destinations // *Folk Roots*. 1997. № 166. April. P. 36–41.
- Jewell H.* The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Keegan-Phipps S., Winter T.* Performing Englishness: Identity and Politics in a Contemporary Folk Resurgence. Manchester: Manchester University Press, 2013.
- Kennedy M.* The Halle Tradition. A Century of Music. Manchester: Manchester University Press, 1960.
- Laing D., Yorka N.* The Value of Music in London // *Cultural Trends*. 2000. № 38. P. 1–34.
- Lawson A.* It Happened in Manchester!: the True Story of Manchester's Music, 1958–1965. Bury St. Edmunds: Multimedia, 1992.
- Lethbridge P.* Kathleen Ferrier. L.: Cassel, 1959.
- Lomax A.* Cantometrics: an Approach to the Anthropology of Music. Berkeley: University of California, Extension Media Center, 1976.
- Lowerson J.* An Outbreak or Allodoxia? Operatic Amateurs and Middle-Class Musical Taste Between the Wars. In: Kidd A., Nicholl D. (eds.) Gender, Civic Culture and Consumerism. Middle-Class Identity in Britain, 1800–1940. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 198–212.
- Melody Maker.* 1963. 24 June.
- Melody Maker.* 2001. 22 September.
- Miles B.* The British Invasion: The Music, The Times, The Era. N. Y.: Sterling Publishing, 2009.
- Osmond J.* The Divided Kingdom. L.: Constable, 1988.
- Pattenden M.* Last Orders at the Liar's Bar. The Official History of the Beautiful South. L.: Victor Gollancz, 1999.
- Perone J.* Mods, Rockers, and the Music of the British Invasion. Westport: Praeger Publishers, 2009.
- Read D.* The English Provinces c.1760-1960. A Study in Influence. L.: Edwin Arnold, 1964. P. xi.
- Robson B.* Coming full Circle: London versus the Rest, 1890–1980. In: Gordon G. (ed.) Regional Cities in the UK, 1890–1980. L.: Harper and Row, 1986. P. 217–231.
- Rogan J.* Morrissey and Marr. The Severed Alliance. L.: Omnibus Press, 1993.
- Rowbotham S.* A Century of Women: the History of Women in Britain and the U.S. L.: Viking, 1997.
- Royle E.* (ed.) Issues of Regional Identity: in Honour of John Marshall. Manchester, N. Y.: Manchester University Press, St. Martin's Press, 1998.
- Russell D.* Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, N. Y.: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Russell D.* Music and Northern Identity, c.1890-1965. In: Kirk N. (ed.) Northern Identities. Historical Interpretations of "The North" and "Northernness". Aldershot: Ashgate, 2000a. P. 23–46.

- Russell D. Musicians in the English Provincial City: Manchester, c. 1860–1914. In: Bashford C., Lagley L. (eds.) *Music and British Culture, 1785–1914. Essays in Honor of Cyril Ehrlich*. Oxford: Oxford University Press, 2000b. P. 233–253.
- Samuel R. North and South. In: Samuel R. (ed.) *Island Stories: Unravelling Britain*. L.: Verso, 1998. P. 28–97.
- Sandbrook D. *White Heat: A History of Britain in the Swinging Sixties*. L.: Little, Brown, 2006.
- Sternhell Z. *Maurice Barrès et le Nationalisme Français*. Bruxelles, 1985.
- Stewart B. *On the Top of the World*. Tyne and Wear: RGF Records, 2009 (CD).
- Stoke M. *Ethnicity, Identity, and Music: the Musical Construction of Place*. Oxford: Berg, 1994.
- Stuckey D. *The Spinners. Fried Bread and Brandy-o!* L.: Robson, 1983.
- Sweers B. *Electric Folk: The Changing Face of English Traditional Music*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Taylor P.J. The meaning of the North: England's «Foreign Country» Within? // *Political Geography*. 1993. № 12. P. 136–155.
- Taylor T. *Global Pop: World Music, World Markets*. L.: Routledge, 1997.
- Thompson P. *The Best of Cellars*. Liverpool: Bluecoat Press, 1994.
- Wiener M. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- The Beatles*. Антология / Составители биографии: изд-во «Chronicle Books»; Пер. с англ. У.В. Сапциной. М.: Росмэн, 2002.
- Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 2 (39). С. 81–88.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
- Замятин Д.Н. *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. М.: Знак, 2006.
- Интервью со специалистом по культурным исследованиям музыки, антропологом и лектором Университета Сандерленда Т. Винтер*. Бредфорд. 15.06.10.
- Макоуни С. *Гонор и предубеждение. Реальная Англия – здесь и сейчас*. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2010.
- Официальный сайт группы The Imagined Village*. URL: <http://imaginedvillage.com> (дата обращения: 15.02.2015).
- Официальный сайт музыкальной премии Mercury Prize*. URL: <http://www.mercurypize.com> (дата обращения: 15.02.2015).
- Полевые материалы автора* (углубленные неформализованные интервью, результаты формализованного анкетирования и тестирования, ПМА) 13: Э. Криссел (00.07.10) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 3: Дж. Смит (00.07.10) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 17: А. Бирман (00.08.11) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 17-25 (00.08.11) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 21: Д. Шил (00.08.11) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 22: Р. Макэлрой, С. Голдлер (00.08.11) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 28: П. Додс (00.07.12) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 28-41 (00.07.12) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 38: Б. Брэг (00.07.12) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- ПМА 26-27 (00.09.11) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. № 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 5–21.
- Фишопова Е.И. *Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: дис. ... д-ра ист. наук*. М., 2010.

Karavaeva D.N.

NORTH VERSUS SOUTH, OR MUSIC IN SEARCH OF ENGLISHNESS (BASED ON THE MATERIALS OF CONTEMPORARY NORTHERN ENGLAND)

Abstract. This article presents results of a historical and anthropological study of the Englishness discourse in its national, ethnic, and regional perspectives (Britishness, Englishness, and Northernness) drawing on the materials collected in Northern England (UK). Herein, the author considers the case of musical discourse (poorly studied in the academic literature) of the English identity used both among musicians and commentators, researchers and the public. Music is an important part of English cultural heritage, and such genres as “English folk” and “world music” that are currently growing more popular are involved in the identity formation and transformation. Englishness is mostly considered among folk discourse participants as a “lost”, “ignored” identity that needs to be re-opened / re-created / saved. Despite the desire of musicians to fit into a multicultural context, English folk, like the Englishness concept itself, remains in the anthropological and historical sense “monocultural”, white, and opposed to contemporary multiculturalism and Britishness.

Northern (regional) identity discourse occupies, to some extent, a marginal position in the national Englishness discourse, and sometimes it's difficult to compare it with common southern Englishness variants. The specificity of the region and its local communities, class identity and de-industrialization, regional branding, and the concept of the “North – South divide” (with a strong pattern of unequal relations between “northern periphery” and “southern metropolis”) play the main role in the Northernness discourse. Regional identity of the North is more artificial and more of a political category as compared with local identities of separate counties and towns.

Key words: Englishness, Northernness, national / ethnic / regional identity, music, English folk, Northern England

DOI 10.17223/2312461X/7/4

References

- Aughey A. *The Politics of Englishness*. Manchester and New-York: Manchester University Press, 2007.
- Balchin P. *Regional Policy in Britain. The North-South Divide*. L.: Sage Publications Inc., 1989.
- Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. L.: Sage Publications Ltd., 2011.
- Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't?, *New Statesman*, 1998, 9 January.
- Boyes G. *The Imagined Village: Culture, Ideology and the English Folk Revival*. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Bradford Telegraph and Argus*, 1974, 5 August.
- Bragg B. *The Progressive Patriot: a Search for Belonging*. L.: Black Swan, 2007.
- Brass Band News*, 1985, July.
- Brighouse Echo*, 1946, 25 October.
- Buckland T. Black Faces, Garlands, and Coconuts: Exotic Dances on Street and Stage, *Dance Research Journal (Congress on Research on Dance)*, 1990, no. 22 (2), pp. 1–12.
- Castells L., Walton J.K. Contrasting Identities: North-West England and the Basque Country, *Issues of Regional Identity*. Ed. by Royle E. Manchester: Manchester University Press, 1998, pp. 44–81.
- Cateforis T. *Are We not New Wave? Modern Pop at the Turn of the 1980s*. Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan Press, 2011.
- Champion S. *And God Created Manchester*. Manchester: Wordsmith, 1990.
- Christopher D. *British Culture. An Introduction*. L., N. Y.: Routledge, 1999.

- Cohen S. *Rock Culture in Liverpool. Popular Music in the Making*. Oxford: Clarendon Press; N. Y.: Oxford University Press, 1991.
- Collin M. *Altered States. The Story of Ecstasy Culture and Acid House*. L.: Serpent's Tail, 1998.
- Connel J., Gibson C. *Sound Tracks: Popular Music, Identity, and Place*. L.: Routledge, 2002.
- Constantine S. *Unemployment in Britain between the Wars*. Harlow: Longman, 1980.
- Crissel A. *An Introductory History of British Broadcasting*. L.: Routledge, 1997.
- Dodds P. *Cora Mills*. Newcastle: Cluny Studio, 2011 (CD).
- Ehland Ch. Introduction, *Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England*. Ed. by Ehland Ch. Amsterdam, N.-Y.: Editions Rodopi B.V., 2007, pp. 1–15.
- Finnegan R. *The Hidden Musicians: Music-Making in an English Town*. Middletown: Wesleyan University Press, 2007.
- Forrest J. *The History of Morris Dancing, 1458-1750*. Toronto: University of Toronto Press, 1999.
- Fowler D. *Youth Culture in Modern Britain, 1920-1970: From Ivory Tower to Global Movement – A New History*. Basingstoke [England]; N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Frith S. The Discourse of World Music, *Western Music and its Others*. Eds. Born G., Hesmondhalgh D. London: University of California Press, 2000, pp. 305–322.
- Galloway W.J. *Musical England*. L.: Christophers, 1910.
- Gerard A. Literature, Language, Nation and Commonwealth, *Crisis and Creativity in the New Literatures in English*. Eds. Davis J., Maes-Jelinek H. Amsterdam: Atlanta, 1990, pp. 94–115.
- Gervais D. *Literary England: Versions of "Englishness" in Modern Writing*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gillet C. *The Sound of the City*. N. Y.: Pantheon, 1984.
- Hall S. *The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left*. L.: Verso, 1988.
- Harry B. *The British Invasion: How The Beatles and Other UK Band Conquered America*. N. Y.: Chrome Dreams, 2004.
- Haslam D. *Manchester, England. The Story of the Pop Cult City*. L.: Fourth Estate, 2000.
- Herbert T. (ed.) *The British Brass Band. A Musical and Cultural History*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hesmondhalgh D. Post Punk's Attempt to Democratize the Music Industry: the Success and Failure of Rough Trade, *Popular Music*, 1997, no. 16 (3), pp. 255–274.
- Hill J. Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England, *Sport and Identity in the North of England*. Eds. Hill J., Williams J. Keele: Keele University Press, 1996, pp. 87–93.
- Horne D. *God is an Englishman*. Sydney: Angus and Robertson, 1969.
- Howarth P. *What a Performance. The Brass Band Plays*. L.: Robson, 1988.
- Hutton R. *The Stations of the Sun: a History of the Ritual Year in Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Irwin C. *Rough Guide to World Music*. L.: Rough Guides, 1999.
- Irwin C. This is England: Colin Irwin Celebrates a Culture Every Bit as Exotic as the Most Distant of World Music Destinations, *Folk Roots*, 1997, no. 166, April, pp. 36–41.
- Jewell H. *The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England*. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Keegan-Phipps S., Winter T. *Performing Englishness: Identity and Politics in a Contemporary Folk Resurgence*. Manchester: Manchester University Press, 2013.
- Kennedy M. *The Halle Tradition. A Century of Music*. Manchester: Manchester University Press, 1960.
- Laing D., Yorka N. The Value of Music in London, *Cultural Trends*, 2000, no. 38, pp. 1–34.
- Lawson A. *It Happened in Manchester!: the True Story of Manchester's Music, 1958-1965*. Bury St. Edmunds: Multimedia, 1992.
- Lethbridge P. *Kathleen Ferrier*. L.: Cassel, 1959.
- Lomax A. *Cantometrics: an Approach to the Anthropology of Music*. Berkeley: University of California, Extension Media Center, 1976.

- Lowerson J. An Outbreak or Allodoxia? Operatic Amateurs and Middle-Class Musical Taste Between the Wars, *Gender, Civic Culture and Consumerism. Middle-Class Identity in Britain, 1800-1940*. Eds. Kidd A., Nicholl D. Manchester: Manchester University Press, 1999, pp. 198–212.
- Melody Maker*, 1963, 24 June.
- Melody Maker*, 2001, 22 September.
- Miles B. *The British Invasion: The Music, The Times, The Era*. N. Y.: Sterling Publishing, 2009.
- Osmond J. *The Divided Kingdom*. L.: Constable, 1988.
- Pattenden M. *Last Orders at the Liar's Bar. The Official History of the Beautiful South*. L.: Victor Gollancz, 1999.
- Perone J. *Mobs, Rockers, and the Music of the British Invasion*. Westport: Praeger Publishers, 2009.
- Read D. *The English Provinces c. 1760-1960. A Study in Influence*. L.: Edwin Arnold, 1964. P. xi.
- Robson B. Coming full Circle: London versus the Rest, 1890-1980, *Regional Cities in the UK, 1890-1980*. Ed. by Gordon G. L.: Harper and Row, 1986, pp. 217–231.
- Rogan J. *Morrissey and Marr. The Severed Alliance*. L.: Omnibus Press, 1993.
- Rowbotham S. *A Century of Women: the History of Women in Britain and the U.S*. L.: Viking, 1997.
- Royle E. (ed.) *Issues of Regional Identity: in Honour of John Marshall*. Manchester, N. Y.: Manchester University Press, St. Martin's Press, 1998.
- Russell D. *Looking North: Northern England and the National Imagination*. Manchester, N. Y.: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Russell D. Music and Northern Identity, c.1890-1965, *Northern Identities. Historical Interpretations of "The North" and "Northerness"*. Ed. by Kirk N. Aldershot: Ashgate, 2000, pp. 23–46.
- Russell D. Musicians in the English Provincial City: Manchester, c. 1860-1914, *Music and British Culture, 1785-1914. Essays in Honor of Cyril Ehrlich*. Eds. Bashford C., Lagley L. Oxford: Oxford University Press, 2000, pp. 233–253.
- Samuel R. North and South, *Island Stories: Unravelling Britain*. Ed. by Samuel R. L.: Verso, 1998, pp. 28–97.
- Sandbrook D. *White Heat: A History of Britain in the Swinging Sixties*. L.: Little, Brown, 2006.
- Sternhell Z. *Maurice Barrès et le Nationalisme Français*. Bruxelles, 1985.
- Stewart B. *On the Top of the World*. Tyne and Wear: RGF Records, 2009 (CD).
- Stoke M. *Ethnicity, Identity, and Music: the Musical Construction of Place*. Oxford: Berg, 1994.
- Stuckey D. *The Spinners. Fried Bread and Brandy-o!* L.: Robson, 1983.
- Sweers B. *Electric Folk: The Changing Face of English Traditional Music*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Taylor P.J. The meaning of the North: England's "Foreign Country" Within?, *Political Geography*, 1993, no. 12, pp. 136–155.
- Taylor T. *Global Pop: World Music, World Markets*. L.: Routledge, 1997.
- Thompson P. *The Best of Cellars*. Liverpool: Bluecoat Press, 1994.
- Wiener M. *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850-1980*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- The Beatles. Antologiya* [Anthology], Compiled by 'Chronicle Books' publishing house. Transl. from English by U.V. Saptsina. Moscow: Rosmen, 2002.
- Golovneva E.V. Regional'naiia identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniia [Regional identity: theory aspects], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2013, no. 2 (39), pp. 81–88.
- Guboglo M.N. *Identifikatsiia identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [The identification of identity: ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003.

- Zamyatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: the modeling of geographical images]. Moscow: Znack, 2006.
- Interview so specialistom po kulturnim issledovaniyam musiki, antropologom i lectorom Universiteta Sanderlenda T. Winter* [Interview with T. Winter, a specialist in the cultural study of music, anthropologist, and lecturer at the University of Sunderland]. Bradford. 15.06.10.
- Maconie S. *Gonor i predubezhdenie. Real'naia Angliia – zdes' i seichas* [Pies and prejudice: in search of the North]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2010.
- Official website of the band "The Imagined Village"*. Available at: <http://www.imaginedvillage.com> (Accessed 15 February 2015).
- Official website of the "Mercury Prize" music award*. Available at: <http://www.mercuryprize.com> (Accessed 15 February 2015).
- Field materials of the author* (informal interview, formal survey results, FMA) 13: A. Crisell (00.07.10). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 3*: J. Smith (00.07.10). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 17*: A. Beerman (00.08.11). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 21*: D. Shiel (00.08.11). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 22*: R. McElroy, S. Goulder (00.08.11). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 17-25* (00.08.11). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 26-27* (00.09.11). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 28*: P. Dodds (00.07.12). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 28-41* (00.07.12). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- FMA 38*: B. Bragg (00.07.12). Arkhiv sektora etnoistorii IliA UrO RAN (The Ethnohistory Department's Archives, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences).
- Repina L.P. *Pamiat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti* [Memory and knowledge about the past in the structure of identity], *Dialog so vremenem. Al'manakh intelektual'noi istorii. no. 21. Spetsial'nyi vypusk: Istoricheskie mify i etnonatsional'naia identichnost'* [Dialog with the time. Almanac of intellectual history. Issue 21. Special issue: Historical myths and ethnonational identity]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007, pp. 5–21.
- Filippova E.I. *Territorii kollektivnoi identichnosti v sovremennom frantsuzskom diskurse: dis. ... d-ra ist. nauk* [Territories of collective identity in the modern French discourse. Dissertation for Doctor of Historical Sciences Degree]. Moscow, 2010.